

6 ноября 1974 г. Литературная газета.

Юрий

НАГИБИН:

«С ДУШОЮ СИЛЬНОЙ, ТОНКОЙ И УПРУТОЙ...»

Уважаемые товарищи! С большим интересом прочитал я в номере «ЛГ» от 9 октября с. г. письмо читателя В. Серова под заголовком «Кого мы растим?».

Письмо тов. Серова вы сочли уместным включить в круг вопросов «Дискуссионного клуба «ЛГ» и, как мне кажется, поступили правильно, так как и сама тема, и взгляды автора действительно и актуальны, и полемичны, и

вряд ли могут быть разрешены одной газетной публикацией. Я в настоящее время не готов еще достаточно четко сформулировать свои мысли по этой проблеме, хотя много размышлял и продолжаю думать на этот счет. Тут скоропалительность суждений неуместна, хотя, уверен, вы получили уже немало читательских откликов.

Но вот о чем я думаю: может быть, сначала предоста-

вить слово человеку достаточно компетентному, житейски опытному, который углубил бы, «сфокусировал» проблему, наспех очерченные в письме В. Серова? Кто это может быть? Наверное, писатель, которого волнуют проблемы воспитания молодежи. Я лично очень хотел бы услышать мнение Юрия Нагибина. Совсем недавно я с большим удовольствием вновь открыл последнюю книгу Нагибина

«Ты будешь жить», вышедшую в этом году в издательстве «Современник». Вся новая работа писателя обращена к молодым душам и к их воспитателям. Не могли бы вы обратиться к Юрию Маркушеву с просьбой поделить-ся своими соображениями по поводу упомянутого письма из Саратова?.

С уважением
С. МАРКУШЕВ
СВЕРДЛОВСК

Вы правы, уважаемый тов. Маркушев: мы получили уже несколько сот откликов читателей на письмо В. Серова «Кого мы растим?». Эта почта сейчас внимательно изучается. В ближайшее время мы намерены предоставить слово многим нашим читате-

лям. А пока — принимаем Ваше предложение. Мы показали Ваше письмо Ю. Нагину. Он согласился ответить на вопросы корреспондента «Литературной газеты».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Юрий Маркушев, читатель В. Серова ставит ряд вопросов воспитания молодежи. Казалось бы, он говорит много правдивых вещей. И все же его письмо вызывает настоятельную потребность...

Ю. НАГИБИН. «Настороженность» — не совсем то слово. Обратите сначала внимание: В. Серов ведь не пишет: «Кого я воспитываю». Он употребляет множественное местоимение «Мы». Он говорит как бы от имени общества в целом. Что ж, это его право. Мы все ощущаем себя частью общества. Но именно поэтому возникает потребность и даже необходимость спорить с ним. Меня тревожат некоторые рецепты, которые он выписывает собственной дочери и рекомендует другим родителям. Ну, давайте разберемся без предвзятости.

Необходимость воспитания стойкости, твердости, коммунистической убежденности, конечно, не вызывает возражений. Но ведь автор не затем написал письмо, чтобы провозгласить эту бесспорную истину. Суть педагогической концепции В. Серова начинается с того момента, когда он в деталях и подробностях — правда, весьма лаконичных, — излагает, что он понимает под «бойцовским характером», каким ему представляется идеал человека-борца. Обратите прежде всего внимание на ту часть письма В. Серова, где он (с оговоркой, правда) в принципе не возражает против воспитания жестокости в характере сегодняшнего молодого человека. Ему кажется, что без этого качества нет борца. Я был участником Великой Отечественной войны, дружил с героями этой войны, многие из них были моими сверстниками, но ни у кого из них я не замечал проявления этого качества — жестокости! Оно даже на войне не нужно. Беспощадность к врагу — да! Но это совершенно различные категории. Даже в самую трудную пору войны жестокость не только не воспитывалась, а просто не допускалась в советском солдате. И вот советский солдат победил, а солдат, в котором воспитывалась жестокость, потерпел поражение, проиграл войну!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но свое отношение к фильмам Чаплина вы там высказали предельно ясно: да, многие ленты Чаплина сентиментальны, может быть, даже слащавы, вызывают слезы умиления. Но Чаплин остается Чаплином для людей уже не одного поколения, и молодежи в том числе.

Ю. НАГИБИН. И вправду: что может быть во всем этом «негативного», спрашивается? Слезы? Слезы Чаплина? Они очищают душу, свидетельствуют о величайшем благородстве. И при всем том, заметьте, эти чаплинские «сентиментальные слезы» не помешали ему создать в нужный момент такую беспощадную ленту, как «Великий диктатор», где актер и режиссер выступил мощным трибуном, обвинителем гитлеризма, фашизма. «Слезы» не помешали Чаплину всю долгую жизнь быть мужественным борцом за мир, за прогресс. Впрочем, почему я все время говорю: «Слезы не помешали»? Слезы помогли! Слезы Чаплина — печаль, умиление и радость, и боль века.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Другими словами, вы хотите сказать, что твердые идейные устои могут быть и у людей мягких,

ский характер» и мягкость, доброта, чувствительность несовместимы. И, боюсь, не один В. Серов думает так. А сегодня, как никогда, в этом сложном, меняющемся мире нам необходим человек не однолинейный, не однозначный, а гармонически развитый, сочетающий твердые идейные и моральные устои с гибкой, чуткой душой. Быть может, даже более подвижной и гибкой, чем требовалось ранее!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы к этому пункту, может быть, еще вернемся. Давайте коснемся того позитивного, что есть в письме В. Серова. Все-таки он прав, отмечая инфантилизм некоторой части молодежи — хлюпиков, слабовольных.

Ю. НАГИБИН. И прав, и неправ.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я как-то листал подшивки журнала «СССР на стройке» и смотрел на фотографии молодых ребят и девушек, строивших Магнитку, Днепродзержинск.

Ю. НАГИБИН. И Московское метро, наверное, да?

КОРРЕСПОНДЕНТ. И Московское метро. А вот буквально на днях я смотрел на фотографии уже, а кинохронику, снятую на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Как похожа и непохожа вместе с тем юность 20—30-х годов и сегодняшнего дня! Брезентовые рубашки, издававшие виды ватники на ребятах с Магнитки — и модные рубашки, элегантные куртки бамовцев. Но и здесь, и там — веселые, открытые, счастливые лица.

Ю. НАГИБИН. Ребята в брезентовых робах построили Магнитку и Сталинградский тракторный, а парни в модных рубашках, уверен, проложат Байкало-Амурскую магистраль. Их много, этих парней и девчат, масса молодежи двинулась на БАМ, причем двинулась, расставшись с известным комфортом нынешней жизни. От парней 30-х годов такой жертвы не требовалось. Просто не было комфорта, с которым приходилось бы расставаться. Так что нечего, по-моему, пугаться столь панически, когда ребенок говорит: «Мама, купи! Папа, дай!» — что, дескать, это свидетельствует о растущем поколении хлюпиков и эгоистов. Это

будет конец. Историей стали Магнитка и целина, придет время — в музеях отведут стенды для экспозиций строительства БАМа. Обживут Сибирь, тундру. Дальше что?

Ю. НАГИБИН. Я хоть и не Станислав Лем, но почему-то уверен, что без трудностей молодежь не останется. Начнется эра покорения Вселенной, люди полетят к какой-нибудь «Туманности Андромеды», полетят уже не по страницам романа Ефремова, а в звездолете. Кто-то попытается проникнуть в антимир. Словом, трудностей хватит, по-моему, на всех желающих. Здесь я дефицита не предвижу.

Я хочу быть правильно понятым: не следует, конечно, растить ребенка в тепличной атмосфере — здесь у меня с автором письма разногласий нет. Я — против примитивного и опасного толкования характера борца. У В. Серова почему-то все свелось к мускулатуре, к зарабатыванию денег в кулачных боях. Кто застрахован от того, что в итоге серовского воспитания мы приобретем не борца, а еще одного «бойцового» (термин Лескова) человека? «Бойцовые» же люди — это люди, которым всегда тесно, которым не хватает каких-то необходимых, по их мнению, жизненных благ, для достижения которых они «работают локтями», оттапливают вперед стоящего, борются за «существование» с энергией, достойной лучшего применения. Надо ведь знать не только средства, а еще и цели. Надо знать вообще очень многое. Раскольников, к примеру, даже думал, что преступив — один раз в жизни! — простой человеческий закон, он использует недозволенные средства для целей возвышенных, для блага людей. В результате — никакого «блага», а преступление, и прежде всего против самого себя, души своей. В результате — распад личности. Личности далеко неординарной. Вот вам и «бойцовский» характер с демагогическим флером «для блага людей».

КОРРЕСПОНДЕНТ. И все-таки воспитывать самоотверженность в палатках легче, чем в индивидуальных «Жигулях»...

Ю. НАГИБИН. Это уже другой вопрос. Если воспитывать стало трудней или сложнее, то это вовсе не значит, что воспитываемые стали хуже...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И все-таки мы никуда не уходим от тезиса, что без преодоления трудностей нет полноценного воспитания. Вот вы говорите о БАМе, БАМ уже не Магнитка, но все равно — символ преодоления трудности. Но ведь когда-то же этому

Ю. НАГИБИН. Я не встречал еще в жизни ни одной семьи, которая сознательно поставила бы перед собой цель воспитать преступника. И наш корреспондент не исключение из этого правила, естественно. Конечно, не Раскольникова в юбке жаждет он воспитать в своей дочери. Скорее, он хочет вырастить из нее, ну, скажем, Жанну д'Арк. В идеале. А на практике что у него получается? Девочка, которая не шадит окружающих, изумляет знакомых своей неумелостью, чрезвычайной бойкостью, резкостью и тому подобными непривлекательными, на мой взгляд, свойствами характера. Возможно, я выскажу спорную мысль, но Жанну д'Арк создают не целеустремленные папаша в педагогическом экстазе, а эпохи и народы. А задача рядового папаша скромнее — вырастить порядочного человека. Тогда обществу из него, возможно, сделает героя. На том же БАМе, скажем.

И наивно думать, что если молодой человек или девушка прочтет «Овод» — хотя, конечно, мимо этой книги не имеет права пройти ни один человек, — то из него непременно уже вырастет герой Этель Войнич. А вот в том, что из человека, которого не трогают драмы героев того же Стефана Цвейга, ничего путного не получится, — в этом я убежден абсолютно. Давайте уж тогда зачеркнем вообще почти всю мировую литературу, Шекспира, например. Ведь что с собой совершила та же Офелия — просто сказать страшно! Но говорить по этому поводу «дура» и всякие другие подобные слова — это безнравственно. Надо все-таки сохранять какую-то почитательность к чужой тайне и к чужой трагедии, не относиться к ней с лихостью этакого рубаки. А ведь автор письма — «бывший поэт и будущий прозаик», — так он пишет. Признаюсь, я всегда полагал — писатель творится из более мягкого материала, какие бы твердые идеи он ни отстаивал. Не случайно же Маркс был великим гуманистом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да, Марксу же принадлежит мысль о том, что самым большим богатством человека является другой человек. В этой связи мне вспоминается интервью, которое дал Ю. Трифонов журналу «Вопросы литературы». Говоря о ро-

мане «Нетерпение», он, между прочим, сказал: обстоятельства сложились таким образом, что главная роль в исполнении приговора народолюбцев Александру II выпала на долю Софьи Перовской. О высочайшей преданности Перовской идее революции говорить излишне. Но — любопытное замечание Ю. Трифонов, — помимо идеи, действиями Перовской руководила и самая что ни на есть земная любовь. Любовь к арестованному в тот момент Андрею Желябову. Перовская страстно желала закончить ЕГО дело, соединиться с ним где угодно: на свободе, в тюрьме, на плахе! И Перовская «махнула платком»...

Ю. НАГИБИН. Чрезвычайно любопытное заключение, которое я готов разделить. Пример этот еще раз подчеркивает: чем активнее развит у человека мир личных чувств, тем смелее и решительнее он в борьбе со злом, с тем, что ему ненавистно. Я вообще считаю, что способность любить, жертвовать, дружить, способность к истинной доброте — вообще все эти качества могут в определенных ситуациях содействовать проявлению таких свойств человеческой натуры, о которых, весьма вероятно, ранее сам человек в себе и не предполагал. Я могу, положив руку на сердце, подтвердить, как в годы войны этакие обычные, «не приспособленные» к солдатской скатке мальчишки, любившие голубей, собак, «бесхозных» котят и прочее, — как эти мальчишки, читавшие по ночам и на уроках Багрицкого и Блока, эти «маменьины сынки», попав на фронт, становились отважными солдатами, героями, чьи имена узнавала вся страна. Да, они были преданы идее. Они ненавидели фашизм, а как же иначе?! Но плюс ко всему тому они — мальчишки 1941 года — были воспитаны в любви к Родине и к людям, к живым людям. Они умели страдать и плакать. Они не были фанатиками! И поэтому они победили — да, и поэтому!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот мы и вернулись к началу разговора...

Ю. НАГИБИН. Да, они победили, как победил за много столетий до них великий гуманист Джордано Бруно, сожженный на костре святой инквизиции. Для чего я вдаюсь в подобные исторические параллели? Лишь с одной целью: во

все времена и эпохи существовали и существуют типы людей, одни из которых знали, что такое боль, любовь, страдание, нежность, и именно эти люди как раз во имя высоких идей могли пойти и шли до конца. Другие же искусственно или органически — в данном случае это безразлично — надевали шоры, не желая видеть ничего, кроме избранного предмета, и, как правило, даже «идя до конца», не добивались того, к чему стремились. Преданность идее ничего общего не имеет с узколюбимым фанатизмом.

Никто не будет спорить, и я в том числе, что растить людей стойкими, мужественными, смелыми необходимо. К этому все и всегда стремились. Ни один век не ставил перед собой задачи противоположной. Это был бы абсурд. Но одно дело — «кого» и совсем другое — «как» растить таких людей. Способ, предлагаемый автором письма из Саратова, на мой взгляд, может привести лишь к результатам, о которых я уже говорил.

Меня могут упрекнуть в отсутствии конструктивных соображений по обсуждаемому вопросу... Что ж, я действительно не Сухомлинский, хотя и он, я уверен, воздержался бы от категорических, скоропалительных, во всяком случае, выводов. Но, как все люди, наверное, я думал об этом, довольно много писал для детей и о детях, и вот с таких чисто человеческих и писательских позиций немало не сомневаюсь в одном: наше общество, как ни одно другое, наверное, требует воспитания личности многогранной, гармонически развитой, с душой сильной, тонкой и упругой одновременно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вы могли бы назвать человека, отвечающего полностью вашему идеалу?

Ю. НАГИБИН. Многие. И среди них — поэт. Он познал все страсти мира, для него не было недоступных тем в искусстве, он жил «с веком наравне», он был борцом, он видел то, что было скрыто от глаз даже самых выдающихся умов эпохи; прошлое, настоящее, будущее, слабости и добродетели — ничто не было чуждо ему...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И его звали?

Ю. НАГИБИН. Пушкин, Александр Сергеевич.

Беседу вел
А. КОСТЕНЕЦКИЙ

ТОНКОЙ И УПРУТОЙ...»

Уважаемые товарищи! С большим интересом прочитал я в номере «ЛГ» от 9 октября с. г. письмо читателя В. Серова под заголовком «Кого мы растим?».

Письмо тов. Серова вы сочли уместным включить в круг вопросов «Дискуссионного клуба «ЛГ» и, как мне кажется, поступили правильно, так как и сама тема, и взгляды автора действительно и актуальны, и полемичны, и

Вы правы, уважаемый тов. Маркушев: мы получили уже несколько сот откликов читателей на письмо В. Серова «Кого мы растим!». Эта почта сейчас внимательно изучается. В ближайшее время мы наеемся предоставить слово многим нашим читате-

вряд ли могут быть разрешены одной газетной публикацией. Я в настоящее время не готов еще достаточно четко сформулировать свои мысли по этой проблеме, хотя много размышлял и продолжаю думать на этот счет. Тут скоропалительность суждений неуместна, хотя, уверен, вы получили уже немало читательских откликов.

Но вот о чем я думаю: может быть, сначала предоста-

вить слово человеку достаточно компетентному, житейски опытному, который углубил бы, «сфокусировал» проблемы, напелх очерченные в письме В. Серова? Кто это может быть? Наверное, писатель, которого волнуют проблемы воспитания молодежи. Я лично очень хотел бы услышать мнение Юрия Нагибина. Совсем недавно я с большим удовольствием вновь открыл последнюю книгу Нагибина

«Ты будешь жить», вышедшую в этом году в издательстве «Современник». Вся новая работа писателя обращена к молодым душам и к их воспитателям. Не могли бы вы обратиться к Юрию Маркушеву с просьбой поделить-ся своими соображениями по поводу упомянутого письма из Саратова?»

С уважением
С. МАРКУШЕВ
СВЕРДЛОВСК

лям. А пока — принимаем Ваше предложение. Мы показали Ваше письмо Ю. Нагину. Он согласился ответить на вопросы корреспондента «Литературной газеты».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Юрий Маркушев, читатель В. Серов ставит ряд вопросов воспитания молодежи. Казалось бы, он говорит много правдивых вещей. И все же его письмо вызывает настороженность...

Ю. НАГИБИН. «Настороженность» — не совсем то слово. Обратите сначала внимание: В. Серов ведь не пишет: «Кого Я воспитываю». Он употребляет множественное местоимение «Мы». Он говорит как бы от имени общества в целом. Что ж, это его право. Мы все ощущаем себя частицей общества. Но именно поэтому возникает потребность и даже необходимость спорить с ним. Меня тревожат некоторые рецензии, которые он выписывает собственной дочери и рекомендует другим родителям. Ну, давайте разберемся без предвзятости.

Необходимость воспитания стойкости, твердости, коммунистической убежденности, конечно, не вызывает возражений. Но ведь автор не затем написал письмо, чтобы провозгласить эту бесспорную истину. Суть педагогической концепции В. Серова начинается с того момента, когда он в деталях и подробностях — правда, весьма лаконичных, — излагает, что он понимает под «бойцовским характером», каким ему представляется идеал человека-борца. Обратите прежде всего внимание на ту часть письма В. Серова, где он (с оговоркой, правда) в принципе не возражает против воспитания жестокости в характере сегодняшнего молодого человека. Ему кажется, что без этого качества нет борца. Я был участником Великой Отечественной войны, дружил с героями этой войны, многие из них были моими сверстниками, но ни у кого из них я не замечал проявления этого качества — жестокости! Оно даже на войне не нужно. Беспощадность к врагу — да! Но это совершенно различные категории. Даже в самую трудную пору войны жестокость не только не воспитывалась, а просто не допускалась в советском солдате. И вот советский солдат победил, а солдат, в котором воспитывалась жестокость, потерпел поражение, проиграл войну!

Наше поколение готовили к войне с нацизмом. Война была неизбежна. Но и при том никто не пытался превратить нас в каних-то «волчат», разжечь в нас жестокость. Нас учили на Пушкине, Толстом. В военной затемненной Москве, на крыши домов которой падали бомбы, изготовленные в Руре, Кёльне, не знаю, где еще, в этой нашей

Москве 40-х годов в залах консерватории продолжала звучать музыка великих немцев — Баха, Бетховена, других...

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вам не показалось, что в письме, о котором мы говорим, есть не один лишь призыв к воспитанию «сильной личности», но больше всего ставится под сомнение правомерность в наше время такого качества, как сентиментальность, — вспомните оценку автором поступка героини Цвейга.

Ю. НАГИБИН. А что такое, собственно, «сентиментализм», который сегодня приобретает кое для кого некий негативный оттенок? «Чувствительность», колы переводить на русский! А чувствительность — это прекрасное качество человека!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Именно против отсутствия чувствительности у некоторых людей вы резонно протестуете в рецензии на сборник сценариев Чарли Чаплина.

Ю. НАГИБИН. Рецензия-то о другом...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но свое отношение к фильмам Чаплина вы там высказали предельно ясно: да, многие ленты Чаплина сентиментальны, может быть, даже слащавы, вызывают слезы умиления. Но Чаплин остается Чаплином для людей уже не одного поколения, и молодежи в том числе.

Ю. НАГИБИН. И вправду: что может быть во всем этом «негативного», спрашивается? Слезы? Слезы Чаплина? Они очищают душу, свидетельствуют о величайшем благородстве. И при всем том, заметьте, эти чаплинские «сентиментальные слезы» не помешали ему создать в нужный момент такую беспощадную ленту, как «Великий диктатор», где актер и режиссер выступил мощным трибуном, обвинителем гитлеризма, фашизма. «Слезы» не помешали Чаплину всю долгую жизнь быть мужественным борцом за мир, за прогресс. Впрочем, почему я все время говорю: «Слезы не помешали»? Слезы помогли! Слезы Чаплина — печаль, умиление и радость, и боль века.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Другими словами, вы хотите сказать, что твердые идейные устои могут быть и у людей мягких, чувствительных.

Ю. НАГИБИН. Ну, это же аксиома. Я хочу сказать, что и мягкие, чувствительные люди могут быть стойкими и мужественными борцами. Автор письма в редакцию — думаю, невольно — путает мягкость, доброту, чувствительность со слабостью, а это совсем не одно и то же. Для него же сильная воля, «бойцов-

ский характер» и мягкость, доброта, чувствительность несовместимы. И, боюсь, не один В. Серов думает так. А сегодня, как никогда, в этом сложном, меняющемся мире нам необходим человек не однолинейный, не однозначный, а гармонически развитый, сочетающий твердые идейные и моральные устои с гибкой, чуткой душой. Быть может, даже более подвижной и гибкой, чем требовалось ранее!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы к это / пункту, может быть, еще вернемся. Давайте коснемся того позитивного, что есть в письме В. Серова. Все-таки он прав, отмечая инфантилизм некоторой части молодежи — хлопников, слабловых.

Ю. НАГИБИН. И прав, и неправ.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я как-то листал подшивки журнала «СССР на стройке» и смотрел на фотографии молодых ребят и девушек, строивших Магнитку, Днепродзэс.

Ю. НАГИБИН. И Московское метро, наверное, да?

КОРРЕСПОНДЕНТ. И Московское метро. А вот буквально на днях я смотрел не фотографии уже, а кинохронику, снятую на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Как похожа и непохожа вместе с тем юность 20—30-х годов и сегодняшнего дня! Брезентовые рубашки, выдавшие виды ватники на ребятам с Магнитки — и модные рубашки, элегантные куртки бамовцев. Но и здесь, и там — веселые, открытые, счастливые лица.

Ю. НАГИБИН. Ребята в брезентовых робах построили Магнитку и Сталинградский тракторный, а парни в модных рубашках, уверен, проложат Байкало-Амурскую магистраль. Их много, этих парней и девчат, масса молодежи двинулась на БАМ, причем двинулась, расставшись с известным комфортом нынешней жизни. От парней 30-х годов такой жертвы не требовалось. Просто не было комфорта, с которым приходилось бы расставаться. Так что нечего, по-моему, пугаться столь панически, когда ребенок говорит: «Мама, купи! Папа, дай!» — что, дескать, это свидетельствует о растущем поколении хлопников и эгоистов. Это не серьезно, не глубоко. Почти всем детям свойственны «хватательные» движения: «купи, дай», а потом этот ребенок может стать или не стать, но уже совсем по иным причинам, прекрасным человеком и достойно перенесет все испытания жизни. Так что этого не следует бояться. И не надо вечно оглядываться назад: мы, мол, не были та-

кими, нас растили на картошке. Наша молодежь очень хорошая, хотя она и не щеголяет в парусиновых тапочках, как мы, и не пьет картошкой в мундире. Сегодня почти каждый ребенок, подросток имеет свой велосипед, а молодые люди, едва начинающие самостоятельную жизнь, мечтают о собственном автомобиле. И я не вижу в том ничего «антисоциального».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но все-таки воспитывать самоотверженность в палатках легче, чем в индивидуальных «Жигулях»...

Ю. НАГИБИН. Это уже другой вопрос. Если воспитывать стало трудней или сложней, то это вовсе не значит, что воспитуемые стали хуже...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И все-таки мы нигде не уходим от тезиса, что без преодоления трудностей нет полноценного воспитания. Вот вы говорите о БАМЕ, БАМ уже на Магнитку, но все равно — символ преодоления трудностей. Но ведь когда-то же этому

Ю. НАГИБИН. Я хоть и не Станислав Лем, но почему-то уверен, что без трудностей молодежь не останется. Начнется эра покорения Вселенной, люди полетят к какой-нибудь «Туманности Андромеды», полетят уже не по страницам романа Ефремова, а в звездолете. Кто-то попытается проникнуть в антимир. Словом, трудностей хватит, по-моему, на всех желающих. Здесь я дефицита не предвижу.

Я хочу быть правильно понятым: не следует, конечно, растить ребенка в теплой атмосфере — здесь у меня с автором письма разногласий нет. Я — против примитивного и опасного толкования характера борца. У В. Серова почему-то все свелось к мускулатуре, к зарабатыванию сняжков в кулачных боях. Кто застрахован от того, что в итоге серовского воспитания мы приобретем не борца, а еще одного «бойцового» (термин Лескова) человека? «Бойцовые» же люди — это люди, которым всегда тесно, которым не хватает каких-то необходимых, по их мнению, жизненных благ, для достижения которых они «работают локтями», отталкивают впереди стоящего, борются за «существование» с энергией, достойной лучшего применения. Надо ведь знать не только средства, а еще и цели. Надо знать вообще очень многое. Раскольников, к примеру, даже думал, что преступление — один раз в жизни! — простой человеческий закон, он использует незволенные средства для целей возвышенных, для блага людей. В результате — никакого «блага», а преступление, и прежде всего против самого себя, души своей. В результате — распад личности. Личности вот неординарной. Вот вам и «бойцовский» характер с демагогическим флером «для блага людей».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но я — да и вы, наверное, — далеки от мысли, что автор письма, которое мы обсуждаем, сознательно задался целью вырастить из своего ребенка Раскольникова женского рода. Совершенно очевидно, что Серов хочет прямо противоположного.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да, Марксу же принадлежит мысль о том, что самым большим богатством человека является другой человек. В этой связи мне вспоминается интервью, которое дал Ю. Трифонов журналу «Вопросы литературы». Говоря о ро-

Коренно, не Раскольников в юбке жаждал он воспитания в своей дочери. Скорее, он хочет вырастить из нее, ну, скажем, Жанну д'Арк. В идеале. А на практике что у него получается? Девочка, которая не падает окружающих, изумляет знакомых своей неделикатностью, чрезвычайной бойкостью, резкостью и тому подобными непривлекательными, на мой взгляд, свойствами характера. Возможно, я выскажу спорную мысль, но Жанну д'Арк создают не целеустремленные папаши в педагогическом экстазе, а эпохи и народы. А задача рядового папаши скромнее — вырастить порядочного человека. Тогда обществу из него, возможно, сделает героя. На том же БАМЕ, скажем.

И наивно думать, что если молодой человек или девушка прочтет «Овод» — хотя, конечно, мимо этой книги не имеет права пройти ни один человек, — то из него непременно уже вырастет герой Етель Войнич. А вот в том, что из человека, которого не трогают драмы героев того же Стефана Цвейга, ничего путного не получится, — в этом я убежден абсолютно. Давайте уж тогда зачеркнем вообще почти всю мировую литературу, Шекспира, например. Ведь что с собой совершила та же Офелия — просто сказать страшно! Но говорить по этому поводу «дура» и всякие другие подобные слова — это безнравственно. Надо все-таки сохранять какую-то почтительность к чужой тайне и к чужой трагедии, не относиться к ней с лихостью этакого рубака. А ведь автор письма — «бывший» поэт и будущий прозаик», — так он пишет. Признаться, я всегда полагал — писатель творится из более мягкого материала, какие бы твердые идеи он ни отстаивал. Не случайно же Маркс был великим гуманистом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да, Марксу же принадлежит мысль о том, что самым большим богатством человека является другой человек. В этой связи мне вспоминается интервью, которое дал Ю. Трифонов журналу «Вопросы литературы». Говоря о ро-

ности Перовской идее революции говорить излишне. Но — любопытное замечание Ю. Трифонова, — помимо идеи, действиями Перовской руководила и самая что ни на есть земная любовь. Любовь к арестованному в тот момент Андрею Желязову. Перовская страстно желала закончить ЕГО дело, соединиться с ним где угодно: на свободе, в тюрьме, на плахе! И Перовская «махнула платком»...

Ю. НАГИБИН. Чрезвычайно любопытное заключение, которое я готов разделить. Пример этот еще раз подчеркивает: чем активнее развит у человека мир личных чувств, тем смелее и решительнее он в борьбе со злом, с тем, что ему ненавистно. Я вообще считаю, что способность любить, жертвовать, дружить, способность к истинной доброте — вообще все эти качества могут в определенных ситуациях содействовать проявлению таких свойств человеческой натуры, о которых, весьма вероятно, ранее сам человек в себе и не предполагал. Я могу, положив руку на сердце, подтвердить, как в годы войны такие обычные, «не приспособленные» к солдатской скатке мальчишки, любившие голубей, собак, «бесхозных» котиков и прочее, — как эти мальчишки, читавшие по ночам и на уроках Багрицкого и Блока, эти «маменьины сынки», попав на фронт, становились отважными солдатами, героями, чьи имена узнавала вся страна. Да, они были преданы идее. Они ненавидели фашизм, а как же иначе?! Но плюс ко всему тому они — мальчишки 1941 года — были воспитаны в любви к Родине и к людям, к живым людям. Они умели страдать и плакать. Они не были фанатиками! И поэтому они победили — да, и поэтому!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот мы и вернулись к началу разговора...

Ю. НАГИБИН. Да, они победили, как победил за много столетий до них великий гуманист Джордано Бруно, сожженный на костре святой инквизиции. Для чего я вдаюсь в подобные исторические параллели? Лишь с одной целью: во

гие же искусственно или органически — в данном случае это безразлично — надевали шоры, не желая видеть ничего, кроме избранного предмета, и, как правило, даже «идя до конца», не добивались того, к чему стремились. Преданность идее ничего общего не имеет с узколобым фанатизмом.

Никто не будет спорить, и я в том числе, что растить людей стойкими, мужественными, смелыми необходимо. К этому все и всегда стремились. Ни один век не ставил перед собой задачи противоположной. Это был бы абсурд. Но одно дело — «кого» и совсем другое — «как» растить таких людей. Способ, предлагаемый автором письма из Саратова, на мой взгляд, может привести лишь к результатам, о которых я уже говорил.

Меня могут упрекнуть в отсутствии конструктивных соображений по обсуждаемому вопросу... Что ж, я действительно не Сухомлинский, хотя и он, я уверен, воздержался бы от категорических, скоропалительных, во всяком случае, выводов. Но, как все люди, наверное, я думал об этом, довольно много писал для детей и о детях, и вот с таких чисто человеческих и писательских позиций немало не сомневаюсь в одном: наше общество, как ни одно другое, наверное, требует воспитания личности многогранной, гармонически развитой, с душой сильной, тонкой и упругой одновременно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вы могли бы назвать человека, отвечающего полностью вашему идеалу?

Ю. НАГИБИН. Многих. И среди них — поэта. Он познал все страсти мира, для него не было недоступных тем в искусстве, он жил «с веком наравне», он был борцом, он видел то, что было скрыто от глаз даже самых выдающихся умов эпохи; прошлое, настоящее, будущее, слабости и добродетели — ничто не было чуждо ему...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И его звали?

Ю. НАГИБИН. Пушкин, Александр Сергеевич.

Беседу вел
А. КОСТЕНЕЦКИЙ

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Фото Л. УСТИНОВА